

Церковь въ лѣсу.

Среди дремучаго, длиннаго-предлиннаго лѣса расположился одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ.

Уже восемь мѣсяцевъ несетъ онъ отвѣтственную службу, не даютъ ему „ни отдыха, ни срока“: не успѣли придти въ одно мѣсто, ступай на другое. И идетъ полкъ туда, куда приказано; идетъ охотно, потому что общее дѣло, общіе успѣхи, общее дорогое для всѣхъ благо родины для него выше всего.

Не онъ одинъ,—и другіе полки дивизіи въ такомъ же положеніи. Сейчасъ они невдалекѣ—въ тѣхъ-же дремучихъ лѣсахъ, такую-же службу несутъ, зорко-зорко слѣдятъ за передвиженіями непріятеля, который всего только въ 4-хъ верстахъ отъ штаба полка.

Какъ же не любятъ нѣмцы эту кавалерійскую дивизію! „насолила“ она имъ еще въ августѣ: „такая безпокойная дивизія“, отзывались о ней нѣмцы, „что и говорить не приходится. Очень не хорошая дивизія: и сейчасъ нельзя нигдѣ прорваться,—ужь очень зоркіе у нихъ солдаты, а офицеры и того хуже“.

Нѣсколько разъ собирались, еще давно, „поймать“ ее, но не удавалось. Былъ удобный случай, при отступленіи 10 арміи, но и тутъ счастье намъ благоприятствовало. А нужно сказать, какъ очевидцу, слѣдовавшему непосредственно за послѣднимъ эскадрономъ, что могла эта „дерзкая“ дивизія быть окруженной врагами и даже попасть въ „мѣшокъ“: съ 26 января до 1 февраля были три случая такой возможности. Но дивизія вышла изъ труднаго положенія съ очень незначительными для нѣмцевъ трофеями. Была взята въ плѣнъ одна только повозка съ домашними вещами: обрубивъ построжки, ѣздовой успѣлъ ускакать на упряжной лошади, 2—3 убитыхъ, 6—7 человекъ раненыхъ. И это за *все* время отступленія.

Мало того: у Олиты дивизія преградила нѣмцамъ дорогу наступленія. Я самъ видѣлъ, какъ уланскій и казачій полки во весь карьеръ неслись къ Олитѣ, чтобы занять переправу черезъ Нѣманъ раньше подходившихъ туда нѣмецкихъ разѣздовъ.

Здѣсь крѣпко стали, не допуская враговъ за Нѣманъ. Потомъ дивизія передвинулась на Гродно; вынесла нѣсколько мелкихъ боевъ; приходилось взрывать мосты, вытѣснять нѣмцевъ изъ деревушекъ. Пришлось даже полку переплывать Нѣманъ на дырjавыхъ плотахъ, на которыхъ можно было помѣстить только по семи лошадей. Дальше шли въ наступленіе, захватывали обозы. Въ концѣ-концовъ, оттѣснивъ нѣмцевъ, очутились въ Августовскихъ дремучихъ лѣсахъ и стали нести развѣдочную и охранную службу въ окопахъ. И кстати: лошади едва двигались и половину ихъ отправили уже въ конскій этапъ.

— Развѣ это кавалерійская служба?—говоритъ одинъ изъ офицеровъ. Когда-жъ насъ смѣнитъ пѣхота?

— На все будь готовъ, на то и воинъ! отвѣчалъ ему веселый прапорщикъ Ш.

Но всему, конечно, есть предѣлъ: полки немножко, хотя и незамѣтно для постороннихъ, заскучали, сидя въ окопахъ среди дремучихъ лѣсовъ...

Въ одномъ изъ захудалыхъ домиковъ собрались офицеры 3-го эскадрона, только-то пришедшіе изъ окоповъ.

Ну что тамъ?—встрѣтили ихъ сосѣдніе офицеры.

— Все также?—сердито отвѣтилъ молодой, обросшій давно небритой бородою штабсъ-ротмистръ: „нѣмца не пускаемъ, а самъ онъ не сунется чрезъ нашу цѣпь,—знаетъ, что все равно не пропустятъ“.

— Теперь и не слѣдовало-бы этими дѣлами заниматься: у насъ скоро праздникъ и у нихъ тоже,—серьезно замѣтилъ молоденькій прапорщикъ.

— Нѣтъ, юноша, не угадали на этотъ разъ: развѣ нѣмцы—люди?—Штабсъ-ротмистръ отличался особымъ недоувѣріемъ къ нѣмцамъ.—Что имъ праздникъ? Они еще скорѣе этимъ воспользуются,—подумають, что мы ослабили цѣпь... Эхъ!—разсердился уставшій и невыспавшійся штабсъ-ротмистръ. „Кому праздникъ, кому нѣтъ; кому счастье, кому два. А кому и ни одного: кому праздникъ, а намъ ничего“, вдругъ неестественно-весело разсмѣялся онъ.

— Ну, это ты напрасно,—остановилъ его сосѣдъ по стоянкѣ ротмистръ Я.—„Ты посмотри-ка только, какую церковь мы сооружаемъ; праздникъ справимъ, какъ слѣдуетъ“.

— Гдѣ, какъ? — вдругъ оживился очень религіозный В. „Пойдемъ, покажи!“

— Сейчасъ ужъ вечеръ, да и не все еще устроено. Вотъ, пріѣдетъ батюшка, да все устроимъ, такъ ты только ахнешь:

богослуженіе въ лѣсу! Древнія катакомбы! Укрывающіеся отъ непріятели христіане! Тайная молитва! Орудійные выстрѣлы вмѣсто звона!.. Вотъ, посмотришь самъ, какъ будетъ все оригинально...“

Дѣйствительно, вышло что-то сказочное. Въ ожиданіи пріѣзда своего священника, который исповѣдывалъ и пріобщалъ нижнихъ чиновъ конскаго этапа, при больныхъ и раненыхъ лошадахъ слабосильныхъ и переутомившихся нижнихъ чиновъ, которыхъ набралось почти столько-же, сколько осталось въ полку, офицеры надумали устроить шатерь-церковь. Командиръ полка нѣсколько разъ въ день приходилъ къ выбранному мѣсту и давалъ свои совѣты; всѣ офицеры принимали дѣятельное участіе; нижніе чины съ особенною охотой и любовью устраивали богослужебный шатерь.

Что-же случилось? случилось что-то особенное.

Представьте себѣ дремучій, глубокой-глубокой (20×30 верстъ приблизительно) лѣсъ, рѣдко изрѣзанный дорогами и небольшими просѣками. На окраинѣ лѣса большой, вмѣстимостью почти на 500 человекъ, шатерь изъ молодыхъ елей, прикрытый сверху и со всѣхъ сторонъ еловыми вѣтвями. Надъ входомъ въ шатерь—большой деревянный восьмиконечный крестъ; по сторонамъ креста двѣ большихъ изъ дерева-же буквы: X. В.

Войдите въ шатерь, и вы еще больше удивитесь; мало того вы будете поражены. Предъ вами—настоящая церковь. Въ восточной части устроенъ алтарь; отдѣленъ иконостасомъ изъ еловыхъ вѣтвей; въ немъ трое вратъ, открытыхъ за отсутствіемъ дверей, какъ и полагается въ дни свѣтлой седмицы.

Въ алтарѣ противъ царскихъ вратъ стоялъ престолъ. За столикомъ большой деревянный крестъ, взятый у католика-хозяина; предъ крестомъ самодѣльный седмисвѣщникъ изъ дерева. Все это укрѣплено на столбѣ, на которомъ ниже креста повѣшена маленькая икона Печерской Божіей Матери, благословеніе дивизіи предъ выступленіемъ въ походъ 1877—78 г. отъ Тверскаго Владыки, Высокопр. Филовея. Эта иконка памятна и дорога потому, что ее несъ впереди священникъ при переходѣ полка въ Турецкую кампанію 1877—78 г. черезъ Дунай по понтонному мосту. За престоломъ, на горнемъ мѣстѣ, большая икона Ченстоховской Божіей Матери, взятая у хозяина-же, гдѣ остановился штабъ полка.

Иконостасъ также увѣшанъ иконами: по правую и лѣвую сторону царскихъ вратъ „мѣстныя“ иконы-складни Спасителя и

Покрова Пресвятыя Богородицы (полковой праздник); на других мѣстахъ также иконы: преподобнаго Сергія Радонежскаго, пожертвованіе княгини Урусовой. Икона освящена въ Троице-Сергіевской лаврѣ, гдѣ погребенъ ея сынъ, офицеръ полка, павшій на полѣ брани смертью храбрыхъ. Какъ разъ, кстати, предъ этой иконой—панихидный столикъ, сдѣланный изъ толстаго обрубка и обитый сверху жестью, съ мѣстами для свѣчей. Въ другихъ мѣстахъ—маленькія иконы, возимыя священникомъ въ мобилизаціонномъ ящикѣ. Даже на колоннахъ царскихъ вратъ—двѣ маленькія иконы Спасителя и Божіей Матери.

Надъ царскими вратами небольшая икона Смоленской Божіей Матери, найденная въ лѣсу при особыхъ обстоятельствахъ: когда рѣшили устроить храмъ-шатеръ, одинъ изъ солдатъ-плотниковъ сталъ срубить дерево для основныхъ колоннъ-укрѣпленій и тутъ-же около дерева увидѣлъ икону, которую сейчасъ-же предъявилъ своему эскадронному командиру. Это было 18 марта, въ день начала устройства шатровой церкви, ровно черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ объявленія полку мобилизаціи. Всѣ сочли такое стеченіе обстоятельствъ особо хорошимъ предзнаменованіемъ и благословеніемъ Божиимъ въ день устройства походнаго храма, укрѣпленнаго на столбахъ-еляхъ, изображающихъ изъ себя колонны храма.

Внутри, предъ мѣстными иконами, устроены были два большихъ подсвѣчника изъ толстой сосны, обвитые гирляндой изъ зеленыхъ вѣтвей; сдѣланы они были настолько хорошо, что командиръ полка рѣшилъ—еще больше въ воспоминаніе о храмѣ въ лѣсу—отослать ихъ на мѣсто постоянной стоянки полка, въ полковую церковь. Все сдѣлано было безъ инструментовъ, почти однимъ топоромъ, безъ гвоздей, на одной проволоцѣ. Даже деревянные колонны были обвиты еловыми вѣтвями.

Все это можно было устроить только при любовномъ отношеніи къ дѣлу командира полка, офицеровъ и нижнихъ чиновъ—и гдѣ же? Въ дремучихъ Августовскихъ лѣсахъ, около хутора „Чарны бродъ“. Иначе, гдѣ бы можно было совершать богослуженіе: исповѣдывать и приобщать чиновъ полка, встрѣчать свѣтлый, особенно дорогой для всѣхъ, праздникъ?.. Здѣсь было только два-три домика, гдѣ въ маленькихъ комнаткахъ едва могли размѣститься чины штаба, офицеры двухъ эскадроновъ, и „биткомъ-набитые“ нижніе чины.

Такія заботы вызвали слезы умиленія у священника, а всѣ чины были въ полномъ восторгѣ.

Богослуженіе началось чтеніемъ 12-ти евангелій, въ 6 ч. вечера, въ великій четвергъ. Погода была тихая. Предъ мѣстными иконами, въ большихъ подсвѣчникахъ, горѣли довольно крупныя (фунтовыя) свѣчи, а вокругъ нихъ десятки мелкихъ. Всѣ сосредоточенно молились, слушая чтеніе евангелій о страданіяхъ Христовыхъ. Прекрасное пѣніе полковыхъ пѣвчихъ усиливало молитвенное настроеніе. Даже пѣли тріо „Разбойника благооазумнаго“ муз. Соломина,—по нотахъ, приготовленнымъ священникомъ. Впереди всѣхъ стоялъ начальникъ дивизіи, командиръ 1-й бригады, штабъ дивизіи, командиръ полка, офицеры, одушевленные особымъ настроеніемъ нижніе чины. Тутъ же было нѣсколько казаковъ и артиллеристовъ.

Какъ-бы вмѣсто звона къ началу евангелій слышались довольно часто орудійные выстрѣлы съ позицій, находившихся въ 4-хъ верстахъ. Картина была трогательная, умилительная, обстановка—исключительная!.

На другой день вечерня и выносъ плащаницы. Вышло такъ хорошо, какъ будто мы были дома, а не на войнѣ.

Въ этотъ же день священникъ былъ во всѣхъ трехъ линіяхъ окоповъ и поговорилъ съ солдатиками; всѣ были, конечно, очень рады и довольны. А нѣмцы не давали покоя: ихъ развѣдчики подходили къ передней линіи окоповъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ; часто слышалась оживленная перестрѣлка и потомъ замолкала. Въ это же время 8 человекъ непріятельскихъ пѣшихъ развѣдчиковъ подошли совсѣмъ близко къ посту М. драгунскаго полка: слышалась частая перестрѣлка.

Въ субботу раннимъ утромъ полкъ былъ вызванъ по тревогѣ на позиціи, а священникъ остался исповѣдывать и приобщать бывшій въ окопахъ и смѣнившійся эскадронъ. Потомъ, на всякій случай, убрали всѣ церковныя вещи.

Дѣло обошлось благополучно: нѣмцевъ отгѣснили версты на двѣ. Потери были пустыя: одинъ раненый унтеръ-офицеръ и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей. Въ 5 ч. дня получили извѣстіе, что полкъ вернется къ вечеру. Опять стали украшать церковь иконами и готовить освѣщеніе, иллюминацію изъ бумажныхъ фонарей.

Въ 9 ч. вечера возвратился полкъ, оставивъ въ окопахъ и въ цѣпи одинъ эскадронъ. Усталые, почти измученные пережитымъ напряженіемъ, всѣ думали объ одномъ, о предстоящей встрѣчѣ свѣтлаго праздника.

„А вы, батюшка, я слышалъ, уже убрали все?“ спросилъ командиръ полка.

„Убралъ и опять все возстановилъ при помощи другихъ; дѣлопроизводитель былъ у меня за старосту“, сообщилъ священникъ.

„Благодарю! большое спасибо за заботу“, сказалъ командиръ.
„А намъ, сами видите, не до того было“.

Пасхальная утренняя началась обычнымъ крестнымъ ходомъ вокругъ шатровой церкви. Погода была чудная. Свѣчи въ рукахъ участниковъ крестнаго хода ровно горѣли. Священникъ держалъ самодѣльный, обитый жестью трехсвѣчникъ съ маленькой иконой Спасителя. Храмъ-катакомба былъ освѣщенъ великолѣпно множествомъ свѣчей. Фонари дополняли освѣщеніе. Трезвона не было; но за то не было и грохота пушекъ, которыя въ эту торжественную, но и мирную, по смыслу празднованія, ночь, не нарушали праздничной молитвы.

— „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“... началъ священникъ.

— „Ангели поютъ на небеси“... дружно подхватилъ хоръ.

По сторонамъ горѣла импровизированная иллюминація—разложенные костры. Офицеры дополняли освѣщеніе ручными электрическими фонарями.

Воодушевленіе, сознание торжественности минуты, обстановка, воспоминаніе о своихъ семьяхъ, невольное разобщеніе съ ними и болѣе близкое единеніе между собою,—всѣ эти чувства чередовались между собою и въ то же время сливались вмѣстѣ во что-то неопредѣленное, но очень хорошее... У всѣхъ была одна мысль: „какъ хорошо мы здѣсь, въ этомъ дикомъ дремучемъ лѣсу, встрѣчаемъ праздникъ. Никогда, во всю жизнь, не забыть этого момента!.. Слава Богу: нигдѣ Онъ насъ не оставляетъ“...

Въ этотъ же день вечеромъ полкъ долженъ былъ идти на другое мѣсто.

— Жалко съ церковью разстаться!—совершенно искренно, не смотря на перемѣну плохой стоянки въ глухомъ лѣсу на лущую, говорили многіе офицеры.

— Мы передадимъ ее кубанцамъ!—утѣшались другіе:—все-таки она не будетъ разрушена, а послужить имъ.

Въ 2 часа дня, покидая стоянку въ лѣсу, отслужили панихиду по убиеннымъ чинамъ полка... Хотя погребены они были въ разныхъ мѣстахъ,—на протяженіи болѣе 250 верстъ отъ Алленштейна до Гродна—однако, мы вѣримъ, что души ихъ съ

нами, они слышатъ нашу молитву о нихъ, они имѣютъ съ нами въ эти минуты общеніе... Какъ бы въ подтвержденіе этого, въ отвѣтъ на заключеніе панихиды: „во блаженномъ успеніи“... хоръ торжественно отозвался: „Христось воскресе... и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ!“...

Отслужили напутственный молебенъ. На прощанье съ походнымъ храмомъ устроили торжественный крестный пасхальный ходъ вокругъ церкви, съ осѣненіемъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ крестомъ.

Офицеры-любители дѣлали фотографическіе снимки, которые будутъ особенно дороги всѣмъ участникамъ пережитыхъ минутъ.

Приятно было посмотреть на командира полка и офицеровъ: они понимали и цѣнили эти послѣднія, дорогія по воспоминаніямъ, минуты, стараясь какъ бы запечатлѣть ихъ въ своей памяти на всю жизнь.

Возвращеніе въ храмъ закончилось многолѣтіемъ и напутственнымъ окропленіемъ св. водою.

Не могу отказаться отъ небольшого заключенія.

Хороша дружная полковая семья, особенно въ такія торжественныя минуты, какъ Свѣтлый праздникъ!

Дай Богъ, чтобы и во всѣхъ полкахъ было такъ хорошо въ такіе важные дни!

Богъ не оставляетъ насъ милостію Своею; Онъ съ нами. Благодаримъ и славимъ Имя Господне отнынѣ и до вѣка!..

Священникъ 1-го уланскаго Петроградскаго полка

Петръ Масловъ.
